

Зверев Владимир Александрович

Доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета, sosna232@yandex.ru, Новосибирск

НЕ ТРУД, А ОТРЕЧЕНИЕ. ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ БЫТ 1960–1970-Х ГОДОВ В МЕМУАРАХ СИБИРСКИХ УЧИТЕЛЕЙ¹

Аннотация. В духе междисциплинарного и антропологического подходов выдвигается идея изучения педагогического быта как социокультурного поля и пространства повседневности, в котором разворачивается образовательный и воспитательный процесс. Публикуются фрагменты двух историко-педагогических источников мемуарного характера, дающих конкретный материал о тесном соприкосновении профессиональной деятельности педагога (воспитателя в школе-интернате, завуча поселковой школы) и ее «бытового» контекста в сибирской «глубинке» 1960–1970-х гг.

Ключевые слова: историко-педагогические источники; педагогическая мемуаристика; педагогический быт; педагогическая повседневность; учительство Сибири; детский дом; сельская школа.

Zverev Vladimir Alexandrovich

Doctor of Historical Science, professor of Native History department of Novosibirsk State Pedagogical University, sosna232@yandex.ru, Novosibirsk

NOT WORK BUT RENUNCIATION. PEDAGOGICAL WAY OF LIFE IN 1960–1970 IN MEMOIRS OF SIBERIAN TEACHERS

Annotation. According to interdisciplinary and anthropological approaches, the study of pedagogical way of life is suggested as a study of sociocultural sphere and space of everyday life, in which educational and educative processes develop. The abstracts of two historical sources of autobiographical type are published giving concrete material about close contiguity of the pedagogical profession (teacher in a boarding school, head of the curriculum department of country school) and its «everyday» context in Siberian «backwoods» in 1960–1970.

Key words: historical and pedagogical sources; pedagogical memoirs; pedagogical everyday life; pedagogical way of life; teaching in Siberia; orphanage; country school.

Гуманитарная наука пережила в XX столетии немало теоретико-методологических поворотов, до неузнаваемости изменивших облик входящих в нее дисциплин, в частности, их предметное пространство. Речь идет, в том числе, о междисциплинарном и антропологическом поворотах, в результате которых среди новых исследовательских тем и сюжетов сначала в литературоведении (в 1920-х гг., в трудах Ю. Н. Тынянова, Б. М. Эйхенбаума) появился «литературный быт», а затем в истории (в 1990-х гг., в работах Ю. Л. Троицкого, В. П. Корзун, Н. Н. Алеврас) его аналог – «историографический быт». Оба эти понятия фокусируют внимание

ученых на точках соприкосновения профессиональной деятельности, соответственно, литераторов или историков с ее «повседневно-бытовым» контекстом [1].

«Один проторил тропу, а все ходят», – гласит русская народная пословица. Нам представляется, что педагогическая наука в своем стремлении соответствовать современным требованиям могла бы также обогатить свой объект изучения, введя в оборот понятие «педагогический быт». Профессиональная деятельность педагогов – и ученых, и практиков обучения и воспитания – в своем содержании и формах организации неразрывно связана с социокультурным и

¹ Статья подготовлена в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «НГПУ» на 2012–2016 гг.

бытовым полем повседневности, которое требует изучения, в том числе в историческом и локально-территориальном разрезе. Хочется надеяться, что среди сюжетов историко-педагогических исследований вскоре появятся, например, общественная активность педагогов второй половины XIX в., жизненные и профессиональные стратегии молодых выпускников педагогического вуза в период «перестройки», способы поддержания педагогами своего социального статуса и качества жизни в условиях кризисного социума 1990-х гг., профессиональные и иные формы выражения своих ценностных установок современными учителями в крупном городе и т. д.

Такого рода историко-педагогические исследования нуждаются в качественной историковедческой основе. Среди различных видов исторических источников, необходимых для изучения педагогического быта, как нам представляется, одно из ведущих мест займут источники личного происхождения, в том числе мемуаристика – письменные и устные воспоминания педагогов, их дневники, автобиографии и пр. Это поистине «человеческие документы», дающие яркое представление не только об объективных условиях жизни и работы педагогов, но также об их субъективном мире (мыслях и чувствах, бытовых и профессиональных представлениях, ценностях и установках), различных сторонах образа жизни людей, владеющих действительно «святым» ремеслом.

В распоряжении ученых Сибири, кровно заинтересованных в изучении педагогической истории нашего региона, имеется комплекс воспоминаний и дневников сибирских педагогов XIX столетия [6]. Век XX-й тоже дал Сибири интересную педагогическую мемуаристику, значительная часть которой опубликована, в том числе с нашим участием. Например, «Сибирский педагогический журнал» напечатал две подборки материалов мемуарного характера, вышедших из-под пера учителей Новосибирска и Новосибирской обл. или записанных студентами-историками в ходе бесед с учителями-ветеранами [3; 4]. В данном случае мы продолжаем публикацию мемуаров, повествующих о тех аспектах социокультурной и психологической ситуации в учительской

среде, которые определяют параметры педагогического быта.

В новую подборку вошли фрагменты воспоминаний, относящихся к двум разным субрегионам Сибири (Приобью и Приенисейскому краю), к отличным друг от друга видам образовательно-воспитательных учреждений – детскому дому-интернату в районном селе и общеобразовательной школе в железнодорожном поселке. Роднит оба текста между собой, во-первых, хронология, – они характеризуют ситуацию 1960–1970-х гг.; во-вторых, – трудные семейно-бытовые и профессиональные обстоятельства, которые переживали в описываемое время мемуаристки, находившиеся в расцвете жизненных сил, обладавшие ценным педагогическим опытом.

Первый помещенный здесь текст – отрывок из воспоминаний *Екатерины Васильевны Котович (родилась в 1927 г.)*, собственноручно написанных по нашей просьбе в сентябре 2012 г. Текст является дополнением на тему «о работе» к более обширному сочинению мемуарного характера, посвященному «и жизни, и работе» (оно было опубликовано ранее) [5]. Е. В. Котович родилась в крестьянской семье, окончила заочно Болотнинское педагогическое училище в Новосибирской обл., в 1944–1965 гг. трудилась учителем начальных классов в деревенских школах Болотнинского р-на. В опубликованном отрывке речь идет о последующем периоде работы воспитателем детского дома-интерната в Красноярском крае. В биографии мемуаристки позже были тяжелая болезнь, уход мужа из семьи, «подымание» троих собственных детей, работа смотрителем в знаменитом Шушенском музее-заповеднике, возвращение в Болотное, где она с должности няни в детском саду вышла на пенсию в 1991 г., переезд на жительство в Новосибирск к дочери – тоже педагогу по профессии.

Второй публикуемый здесь источник – фрагмент из воспоминаний *Нины Ефимовны Демченко (1933–2010)*, жительницы ст. Безменово Черепановского р-на Новосибирской обл. Текст написан собственноручно по настоянию внука, студента-историка НГПУ, на рубеже 2009–2010 гг., за считанные месяцы до смерти автора. В мемуарах повествуется о детстве крестьянской девочки и ее школь-

ных годах, о студенческой юности в Новосибирском пединституте (соответствующий отрывок уже опубликован) [2]. Много уникальных подробностей содержит рассказ о деятельности в 1956–1991 гг. в качестве учителя русского языка и литературы, завуча и директора школы в Новосибирске, а затем в селениях Черепановского р-на. Из этой части воспоминаний и «выкроен» публикуемый фрагмент.

При подготовке к печати нами бережно сохранялись избранные части авторских текстов. В них только местами поправлена грамматика, введена дополнительная разбивка на абзацы, в скобках отмечены небольшие купюры, вставлены необходимые, на наш взгляд, дополнения и разъяснения.

Публикатор выражает признательность доценту кафедры отечественной истории НГПУ Л. В. Котович, выпускнику ИИГСО НГПУ А. В. Бунькову за любезно предоставленные материалы.

Е. В. Котович. «Поговорили о настоящей жизни...» (Красноярский край, с. Шушенское, 1965–1966 гг.).

<...> Шушенское – село большое. Там три средние школы и сельскохозяйственный техникум. Село мне очень понравилось. Муж устроился работать в строительную организацию. Он был трактористом. Меня взяли в детский дом воспитателем – в школе не было мест.

Дети уже были в летнем лагере. Мы – воспитатели – должны были быть на работе в 9 ч. <...> Дети позавтракали, мыли посуду. Потом каждый воспитатель проводил мероприятия, указанные в плане. Жили в небольших домиках. До ужина нужно было помыть в домиках. Мы прошли, дали задание и ушли на кухню. Там повар готовил ужин, дети помогали: девочки мыли грибы, которые набрали в лесу. Потом [мы] пошли проверять, как помыты полы в домиках.

Пришли в домик, в котором Редьковский Саша должен был вымыть пол, а он не вымыл. Подбегает к нему [воспитательница] Надежда Гавриловна и ударяет ему по носику кулаком. Кровь не [просто] показалась, а потекла из носика (он ученик 5-го класса). Я так напугалась, схватила полотенце, намочила его в холодной воде, которая стояла на полу в ведрах. Вода была приготовлена для

мытья пола. Мокрое полотенце я приложила к носику мальчика и села. Я попросила [другого воспитанника] Мишу вымыть пол. Миша вымыл пол. У Саши кровь перестала течь из носика, и я ушла из домика.

Дома я рассказала о случившемся и заплакала. «Работать я так не смогу», – сказала я. Муж выслушал и сказал: «Увольняйся». Уволиться я не могла. У нас трое детей. Их надо учить. И я продолжала работать.

Подготовили здание интерната к приему детей, классные комнаты к занятиям. Детей привезли в интернат. 1 сентября провели линейку. На линейке были детдомовские дети и дети из близлежащих деревень, которые были приняты в школу-интернат. Школа была большая, детей детского дома оказалось маловато, дополнили детьми из сел. После линейки развели детей по классам. Начались занятия. Воспитатели должны были приходиться на работу в 6. 45 утра. У детей зарядка, подготовка к завтраку, завтрак, подготовка к занятиям, уход в школу. В 10 часов утра мы уходили домой до 3-х дня. В 3 – работа по плану с детьми.

Вот и подошел [в сельском быту] срок копки своего картофеля. Так как у нас еще не было картофеля посажено (мы приехали в с. Шушенское 11 июня), меня оставили [в интернате] с детьми, а детей-то числилось с приходящими 400 человек! И я осталась. Все воспитатели, учителя уехали. Я прошла в столовую, там дети уже мыли посуду. Только вышла из столовой, слышу, плачет кто-то. Ко мне бежала Люба Торопова: «Около калитки Бородкин убивает моего братика Ваню». Я не помню, как добежала до калитки. Мальчик лежит в грязи, все лицо в крови. Мальчик – первоклассник, а их командир – семиклассник Бородкин – продолжает его пинать. Я закричала: «Что ты делаешь! Убирайся, сейчас вызову милицию». Командир ушел, я подняла мальчика. Мы с Любой повели его на кухню. Нам дали теплой водички, тазик. Я ему помыла личико, ручки, протерла полотенцем. Потом переодели, накормили и уложили спать у Любы в комнате (в спальне).

Утром я посмотрела его тельце. Оно было все в синяках. Отправив детей в школу, я собралась уже домой. Вдруг подходит завуч и говорит: «Зайдите ко мне». Только я, войдя, закрыла за собой дверь, завуч закричал на

меня: «Какое Вы имели право отстранять Бородкина от [должности] командира перво-клашек?» – «А Вы посмотрите, в каком состоянии ребенок! Он весь в синяках. Такого командира судить надо». Командир не пришел ночью, и воспитатель пожаловалась завучу.

Пришла я домой и опять рассказала о случившемся. Меня выслушали муж и братец меньший. Я хотела вызвать врачей и милицию. Но мне строго запретили. Муж сказал: «Посадят – ни разу не приеду». Потом встал и ушел. Больше я [дома] ничего не стала рассказывать о случившемся на работе.

Работала только со своими детьми. Детки были хорошие, только вот Валера Сундуков воровал и гордился этим. Я взяла в библиотеке книгу, где писали о воре, который крал коней. Его убили. После чтения этой книги мы поговорили о настоящей жизни. Потом я сказала: «Валера, ты постарайся учиться. Закончишь школу, а потом поступишь в техникум или институт. Закончишь учебу, получишь диплом специалиста».

Как-то незаметно прошел год. И мои пятиклассники перешли в 6 класс. Только Светочка, которая была из д. Сизая, написала диктант на «2»; подготовилась летом и осенью написала на «4». Ее тоже перевели в 6 класс. Теперь я работаю уже с детьми 6 класса. Они оказались такими добрыми.

Но вот у Валеры опять неприятность. На него пожаловалась опять Вострова Валентина Константиновна (воспитатель), будто он избил мальчика из ее группы. Я пришла к девочкам в спальню. Девочки учили уроки, подготовки в классе не было. Класс был занят. Врачи районной больницы проводили медосмотр учащихся. Вдруг прибегает Плотников Витя и говорит: «Екатерина Васильевна, директор бьет Сундукова». Когда я прибежала в кабинет директора, он еще бил его ремнем. Когда я вошла в кабинет, он прекратил бить и сел на стул. А потом сказал: «Возьмите Валере новую рубашку, а сейчас идите».

Я ушла с Валерой в их спальню. Там он все мне рассказал. Оказалось, что мальчика опять избил Бородкин, на Валеру наговорил напрасно. После рассказа Валеры я встретила воспитателя [той группы], где был командиром Бородкин: «Еще раз обидите кого-нибудь из моей группы, ответите за все сами со своим Бородкиным».

И всё-таки [позже] попался Бородкин: изнасиловал девочку из группы Востровой и куда-то исчез. Я о нем больше ничего не знала. Моих детей больше никто не трогал. Дети учились. А я продолжала работать. <...>

Н. Е. Демченко. «Я заработала свой авторитет» (Новосибирская обл., Черепановский р-н, ст. Посевная – ст. Безменово, 1965–1980 гг.).

<...> Что дали мне [предыдущие] 32 года жизни? Среднее образование, институт, мужа алкоголика-идиота, испорченное детство моих детей, настроенных мужем и свекровью против меня. А то, что я тянула всю семью, помогала его сестре с двумя детьми без отца – это все не в счет. Как была ни с чем, так ни с чем и осталась. Оплеванная семьей, униженная мужем, без жилья, без средств, без авторитета. На голом месте, хотя и хорошо знакомом: 13 лет тому назад я окончила эту [Посевнинскую] школу. За спиной вуз, разбитая семья, но со мной мое мужество, мои знания, моя уверенность в правильном выборе пути. Здесь мне окажут поддержку, я почищу свои перышки – и поможет мне Господь!

<...> На меня стали валить всю общественную работу. Послали в клуб читать лекцию о 8 марта. Текст не дали. На подготовку осталось два дня. <...> «Нам нет преград», – поется в песне. Флаг в руки и – вперед. Набрала тезисы, взяла сборник пословиц, подаренный ШРМ № 23 (школа рабочей молодежи, прежнее место работы в Новосибирске. – В. З.), – мне этого хватило. Людей я знала, обратилась к парторгу и директору совхоза, список лучших женщин мне дали, оговорили, что за что. И я пошла читать лекцию. Председатель сельсовета спросил: «Лучших не было?» Я сказала, что лучших послали к лучшим, а меня – сюда.

Когда я окончила лекцию, мне аплодировали стоя. Ушла с триумфом, а на второй день лекция была на заводе, там был другой лектор с готовой лекцией, но не с моей дикцией. Люди ожидали, что я приду и туда, были разочарованы и высказали [это]. Я заработала свой авторитет.

<...> И вот на школьном вечере я пошла одеться [в учительскую]. Там сидел учитель по труду – разведен, связан был с директором

школы (женщиной). Вдруг дверь закрылась, щелкнул замок. Я оделась, села подальше. А что делать? Дверь закрыта. <...> Мы просто разговаривали. Кто-то привел директрису, – шум, гам, стыд, срам. Каждый думает о событии по мере своей испорченности.

Любовная связь [трудовика с директрисой] прервалась. Этот учитель пришел ко мне свататься. Мы с матерью с ним поговорили. Он вернулся в семью. У него были два мальчика – 13 и 15 лет. Мою репутацию спасти не надо было.

Летом зав. РОНО послал меня на курсы завучей. Директор совхоза дал мне трехкомнатную квартиру. Кое-кто из учителей возмущался: им тоже нужны квартиры. Я сказала, что этот вопрос – не ко мне. <...>

После курсов я решила уехать в Казахстан, пришла к зав. РОНО с заявлением. Он сказал, чтоб я дурь казахстанскую из головы выбросила. И направил меня на ст. Безменово завучем средней школы. Я согласилась.

Съездила в Безменово, директор школы пообещал приготовить квартиру. Моя духовная мать – тетя, у которой я жила до 1951 г., – договорилась, чтобы мне в магазин ж[елезно]д[орожный] привезли шифоньер. Я его выкупила, перевезла семью, квартиру мне дали в здании школы. Мать развела много цветов. Квартира двухкомнатная. Мать и мой сын заняли зал, мы с дочерью – спальню. Она была маленькая, едва вместилось две кровати. Но на кухне была печка, [имелись] санузел, ванная с титаном, умывальник, слив. В тесноте да не в обиде.

Знакомство с коллективом началось сразу. Кляузники пришли первые. Я всех выслушала. Записала их жалобы, а потом пояснила, что могу сделать я, что в компетенции директора, что – завхоза. [Спросили:] могу ли я переговорить с директором от их имени? Я сказала, что нет. Потом подошли остальные [учительницы]. Одна из них спросила, умею ли я работать завучем. «Умею, – сказала я. – Чего не знаю, научусь». Разговаривала по одному.

Потом собрала предметников. Сказала, чтоб распределили часы [между собой], дала сетку часов по каждому предмету. Посоветовала, чтобы без обиды, соблюдая преемственность. Их это очень удивило и обрадовало. Срок – к вечеру сдать, что они сделали. «Вам что оставить?» – спросили.

«Мне всё равно». – «Со старшими классами справитесь?» – «Постараюсь». Стали интересоваться, кто я и откуда. Ответила, что это пусть их не волнует. Это дело лично мое, а в свои личные дела я никого не путаю. И, между прочим, не лезу к ним в душу.

Директор был историк. Пошла к нему на счет его нагрузки. Остальные часы отдала другому историку. Труднее было с начальными классами – с часами физкультуры, рисования, пения, труда. Заявила [учителям начальных классов], что если уроки по этим предметам будут ниже уровня, администрация школы передаст часы предметникам. Часы компенсируем группой продленного дня. Повесила листок для предметников, кому к какому уроку желательно [приходить в школу]. Многие, ссылаясь на маленьких детей, просили не ставить первые уроки. Одна [учительская] пара проигнорировала мою просьбу, после составления расписания пошли с жалобой к директору. Я ему показала листок с пожеланиями по расписанию – их там не было. Я заявила, что переделывать расписание не буду: «Уже идут учительские семинары, мне просто некогда. Пусть ждут вторую четверть». Они пригрозили, что пожалуются на меня в РОНО. «Хоть в министерство, заявки на расписание все выполнены». <...>

Географу дала задание составить план ст. Безменово. Где какая улица. Это было сделано. Распределила участки по проверке всеобща по всем учителям, желательно ближе к их квартирам. Было еще три отделения совхоза... В Южном была начальная школа, в Привольном – тоже, в Еловкино – малокомплектная, и все это свалилось на меня.

Директор остался мной доволен. Я с ним по многим вопросам советовалась, своих советов подавать воздерживалась, и правильно делала. Человек он был хороший, но очень самолюбивый. Критики и советов в свой адрес не переносил. В школе работали его жена, дочь-математик, дочь-лаборант, зять-военрук, сватья-уборщица. Так что утечка информации была очень большая.

В школе шло какое-то подводное течение. Взвалили на меня общество «Знание», кружок политпросвещения среди молодежи совхоза. [Я –] депутат сельсовета, заштатный лектор на собраниях. В общем, совали в каждую дырку. Учителя подобраны хорошо,

менторского наблюдения не требовалось. Начальные классы давали хорошо подготовленных учеников. Работать стало легче, слаженнее. Открыли методическую копилку, собирали всё интересное, наиболее удачное. <...>

Директором школы был тогда молодой выдвиженец, выпускник нашей школы, [он был] женат на выпускнице нашей школы, золотой медалистке, дочери учительницы начальных классов. Оба перешли [в вузе] на заочное отделение, вели физику. Директора, при котором я начинала работать, перевели в Ливанские Шахты, а того перевели к нам. <...> Опять мне забот прибавилось. Завхоз пил, а работы по хозяйству и по учебе навалом. Завуч по воспитательной работе – умный человек, вел биологию, но тоже стал работать формально.

Новый директор развел бурную деятельность, почувствовал себя хозяином положения, на обучение и воспитание обращать [внимание ему] было некогда. Начал строительство дополнительного корпуса, в котором надо разместить уроки тракторного дела, военного дела... деревообрабатывающие станки, станки по металлу. Задумал строить теплицу. Все это было [бы] хорошо...

Сделали три кабинета, а отделение под теплицу недостроенное. Надо было крыть крышу... нужно проводить отопление. А тут молодой красивый директор вдруг ударился в пьянку. Спутался с секретаршей, женой нашего учителя.

Все собирались встретить новый 1979 год. Я зашла к нему (к директору школы. – В. З.) поговорить о том, что ему надо прекратить эти шашни. Он сказал, что сотрет меня в порошок. «Вряд ли выйдет, можете надавить соку». Разговаривали тихо, спокойно. Я его не оскорбляла, сказала просто, что не пойму, что с коллективом. Не нравится мне это все. Он сказал, что меня не держит, могу уходить.

Я ушла, забрала деньги, на вечер не пошла. А зря. Если бы я была там, это бы не произошло. Учителя избили директора так, что врач участковой больницы пробовала открыть веки, чтобы посмотреть, целы ли у него глаза. Его положили в больницу на целый месяц.

Жену его я уговорила остаться, работать,

как работала, не обращать внимания ни на что. Отвела уроки – и домой. Я представляю, насколько мужественной была она, что осталась работать в этом осином гнезде. Переговорила со всеми учителями, выяснила зачинщиков. Вызвала зав. РОНО в школу. Долго с ним (с директором. – В. З.) беседовали. Я предлагала вернуть его в коллектив. [Позиция РОНО:] «Это нереально. Ему не восстановить свой авторитет». Поинтересовалась, чего хочет он. Он сказал, что судиться ни с кем не хочет, он запутался в школьных финансах (на стройке шла большая махинация). Я ему сказала, что пусть ищет [нового] директора.

<...> Зав. РОНО заверил меня, что только я смогу вывезти этот воз. [Прежний] директор, которого перевели в Ливанские Шахты, поддержал зав. РОНО: кроме меня, другой кандидатуры нет. [Убеждали,] что мне это по силам. Я зав. РОНО сказала, что [соглашаюсь на должность директора школы только] до первой кандидатуры... Школу я передам сразу и уйду работать просто учителем. На том и постановили.

Год я работала за завуча и директора. [Вторым] завучем поставила одну из моих тайных врагов, организатором по внеклассной работе – вторую подобную: «Деловые качества у них хорошие, пусть работают». Финансовые дела школы были на нуле. Надо делать ремонт, кое в чем совхоз поможет. В школе всего пять техничек. Летом будут работать производственные бригады – косметику

<...> Закупили [мы] шифер, пиломатериалы. Покрыли крышу, залили ее битумом, постелили полы, сделали отопление, двери. Сдали [второй школьный комплекс] в эксплуатацию. Комиссия приняла здание целиком. Подключили станки. Библиотека [раньше] занимала малое помещение, закупили стеллажи и перевели библиотеку в это помещение. А там, где была библиотека, [площади] сдали в аренду музыкальной школе.

Учитель с женой-секретаршей [тем временем] уехал на Посевную. С [педагогическим] коллективом я переговорила после отъезда зав. РОНО. Сказала, что коллектив вел себя безобразно, РОНО собирается его весь расформировать, если положение в школе не исправится. То кляузы пишут, то сплетни разводят, работать не хотят. Всех

переведут в другие села или пошлют в распоряжение облоно.

В 1980 г. муж велел [мне] уйти из директоров школы. Потеряла в весе 25 кг, стала худой и стройной. Доработала до пенсии, уволилась в 1991 г.

Библиографический список

1. *Алеврас Н. Н.* Что такое «историографический быт»? // Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы. – М.: Изд-во ЛКИ, 2011. – С. 516-534.

2. *Буньков А. В.* «Ученик должен быть собеседником...»: Н. Е. Демченко о студенческих годах на литфаке Новосибирского пединститута (1952-1956) // Образование в истории, история в образовании. – Новосибирск: НГПУ, 2011. – С. 378-385.

3. *Зверев В. А.* Святое ремесло: подвижничество сельской школы в мемуарах новосибирских учителей // Сибирский педагогический журнал. – 2010. – № 4. – С. 181-192.

4. *Зверев В. А.* Человеческие документы: прожитый век в воспоминаниях новосибирских учителей // Сибирский педагогический журнал. – 2009. – № 1. – С. 311-322.

5. *Котович Е. В.* «В большой бедности и немалой радости»: воспоминания деревенской учительницы // Сибиряки: региональное общество в историческом и образовательном пространстве. – Новосибирск: НГПУ, 2009. – С. 236-249.

6. *Матханова Н. П.* Учебные заведения и учителя в сибирской мемуаристике XIX в. // Пишем времена и случаи. – Новосибирск: НГПУ, 2008. – С. 160-164.